

В основе этой книги лежат воспоминания одного из легендарных контрразведчиков СССР генерал-лейтенанта Василия Степановича Рясного. Вместе с тем произведение носит художественный характер и не может восприниматься как исторический документ.

Глава 1

БАСМАЧИ И ДЕЖКАНЕ

— Ну выйди, поговорить надо. — В голосе пузатого басмача в халате и папахе из бараньей шкуры звучала безнадежная тоска вперемешку с тщетной надеждой.

— Мне и здесь неплохо, — беззаботно отмахнулся Василий Ясный, взирая на блюдо с пловом и прикидывая, как бы его одолеть.

— Ну сколько ты там сидеть будешь? — уже почти канючил толстый главарь банды.

— Хоть до глубокой старости. Спасибо хозяину этого благословенного дома за его великодушное гостеприимство...

Нарвался на банду секретарь райкома комсомола Ясный, когда в военной гимнастерке и галифе, на вороном коне, с наганом в кобуре метался по кишлакам, поднимая комсомольцев на подвиги, агитируя против баев и басмачей.

Похоже, в последнем кишлаке находился кто-то из вражеских пособников, потому что, когда комсомольский вожак скакал в направлении Теджена вдоль берега реки с таким же названием, его ждали. Десяток конных бандитов выехал прямо на него. Предводитель что-то заорал, взмахнув ан-

глийским карабином. Но Ясный слушать не стал, а только пришпорил коня. Басмачи устремились следом. Грохнул выстрел, но пуля прошла в стороне. В него и не хотели попасть. Его хотели взять живым. И устроить показательную казнь комсомольца, столь убедительно смущающего умы не только молодежи, но и почтенных дехкан.

Место они выбрали хорошее. Справа река с камышами. Слева тянутся засеянные поля. Дальше виднеется кишлак, но туда проклятый комсомолец не двинет — знает, что поселение басмаческое, где каждый мужчина сам в банде или его родственники бьются с неверными. Оставалось жертве скакать в пустыню, а там его конь уступит горячим басмаческим скакунам. Или пуля догонит. Там у него шансов нет.

Ясный знал, что сдаваться нельзя. Насмотрелся, как обращаются басмачи с пленными. И еще знал, что будет биться до последнего. И оставит в барабане один патрон — для себя. Но пока он еще жив. И может победить.

И он сделал то, чего никак не ожидали преследователи. Пришпорил уже выдыхающегося коня и устремился в бандитский кишлак.

Обогнав немножко преследователей, он ворвался в кишлак. И припустил к самому богатому глинобитному дому, окруженному садом. Там, по идее, должен жить самый важный бай.

Василий спрыгнул с коня перед удивленными хозяевами дома, крикнул:

— Позаботься!

Сунул уздечку в руку чумазому пацану. И тут же рванул на порог с криком:

— Я ваш гость!

И вот теперь он уже третий день важно восседает, как бай, на ковре, вокруг него крутятся домоладцы хозяина-басмача, ненавидящие гостя всеми фибрами души. Чай, плов, фрукты — все это несут постоянно с видом «чтоб ты подавился». Но несут и находят силы улыбаться. Потому что гость священен. Его нужно кормить, защищать, не давать в обиду. Такова древнейшая и самая прочная традиция этих мест.

А бандиты сидят кружком у дома, облизываются, как голодные псы, перед носом которых машут куском мяса, но кусать не дают.

Время от времени басмачи предпринимали тщетные попытки уговорить русского шайтана выйти, поговорить с ними по душам, чтобы тот объяснил перспективы строительства советской власти. Но трюк был наивный — за порогом дома Ясный переставал быть гостем и превращался в неверную собаку.

Все это продолжалось уже третий день. Василия интересовало, сколько времени понадобится басмачам, чтобы забыть об обычаях. Это был вопрос жизни и смерти.

Несмотря на то что положение казалось безвыходным, как все молодые и горячие, он в свою смерть не верил. Был убежден, что жить ему долго, счастливо, и он своими глазами увидит тот мир, для которого не жалел крови и пота.

Василий Степанович Ясный родился в Самарканде в семье железнодорожного рабочего. Учился в Ашхабадском железнодорожном училище, когда грянула революция и пацанам сказали, что

они могут принять участие в строительстве нового справедливого мира. В 1919 году в пятнадцать лет вступил в комсомол. И всеми правдами и неправдами добился призыва в Красную армию, ушел очищать Туркестан от белогвардейцев и английских интервентов. Как грамотного и молодого, его назначили писарем в Политотдел Первой армии, где он со знанием туркменского языка участвовал в формировании частей из туркмен, а потом и воевал вместе с ними на фронте. Когда закончились бои, его направили в Тедженский военкомат для участия в работе по советизации уезда, борьбе с басмачеством. Там он организовывал добровольные отряды милиции из коренной молодежи, бился с бандами, был заместителем командира отряда частей особого назначения по борьбе с бандитизмом. Руководил продотрядом, чтобы не дать умереть с голоду городам. А когда прошел в Ташкенте курсы комсомольских работников, его вызвал руководитель ЦК комсомола Туркестана и объявил:

— Назначаешься секретарем комитета комсомола в Тедженский уезд.

— Там же комсомольцев нет! — воскликнул Ясный.

— Как нет? А ты?

Так началась его беспокойная жизнь комсомольского агитатора и главаря. Это был его родной уезд — самый южный, засушливый и большой в Туркменистане. Там жило оседлое население с древними традициями, воспитанное веками покорностью баям и эмирам. Нужно было его встряхнуть. Показать новый путь. А вместе с тем

решать вопросы земли, воды, восстановления хозяйства.

В Туркестане разгоралось басмаческое движение. В Бухаре бесчинствовали банды бывшего турецкого военного министра Турции Энвер-паши, которого басмаческие курбаши объявили главным командующим всеми освободительными силами Средней Азии. В Тедженский район банды приходили из Персии и пополнялись местными дехканами, многих из которых зазывали в свои ряды под угрозой смерти. Басмачи нападали на села, убивали советских работников, отрезали им головы и сдирали кожу.

В этих условиях Ясный бесстрашно мотался по всему уезду на своем верном коне. Находил сторонников. Создавал комсомольские ячейки. И честно заработал уважение друзей, союзников и ненависть врагов. Его много раз пытались убить басмачи. И сейчас были как никогда близки к этому.

— Ну выйди, поговорим. Мы тебя выслушаем, — опять заканючил главарь.

Даже жалко его стало. Ясный кинул на него взгляд в окно. И невольно залюбовался. Сколько видел басмачей в Туркестане, но туркмены — самые статные. Взять узбекского басмача — он тяжело тащится пешком, плечо сгибает увесистое английское ружье. А туркмены — бравые молодцы в халатах и шапках, на конях сидят так, как будто родились в седле. Просто загляденье. Одно плохо — они враги. Хотя бывает так, что враги становятся друзьями. Многие банды переходили на сторону советской власти, занимали места во

властных структурах и бились с бывшими соратниками. Восток — тут все очень сложно. Традиции, родоплеменные связи, кровная вражда, ну, и дружба — тоже кровная. Все запутано и странно кажется со стороны, но тот, кто понимает эту землю, прикипает к ней всем сердцем.

— Я тут пока поживу, — крикнул Ясный в окно и принялся за плов.

Так много он не ел никогда. Хозяева выложили все запасы...

На четвертый день, когда горячее майское солнце было в зените и выжигало все вокруг, басмачи неожиданно заголосили, запрыгнули на лошадей и унеслись прочь. В кишлак въезжали конные красноармейцы, проверявшие сведения о шалящих в округе бандитах.

Ясный церемонно поблагодарил хозяев за гостеприимство. И вышел из дома.

У него было еще много забот...

Это был лишь один день из бесконечной череды, когда бурлит кровь, когда ты сроднился с риском. Когда тебя гонит вперед ощущение, что именно на тебе лежит ответственность изменить мир к лучшему.

Текли годы в бесконечной борьбе, в напряжении всех молодых сил. Ясного, действовавшего умело и надежно, бросали на новые участки работы. Ему было восемнадцать, когда он вступил в партию. И уже в качестве заместителя секретарей различных райкомов партии проводил земельную и водную реформы. Отвечал за продналог. Боролся с баями. Укреплял власть — иногда твердостью, иногда компромиссом. Но главное —

всегда умел находить общий язык с народом. Он любил и понимал этих людей. Мудрых и наивных, добрых и жестоких. Доносил до них свою правду.

И с басмачами еще встречался не раз. Свист пуль, сабельная сшибка, секунда страха, а потом отчаяние боя — все это стало привычным.

Его лихость подчас толкала на авантюры. Однажды он стал источником международного скандала.

В 1926 году советская власть уже достаточно окрепла. Но снабжаемые англичанами оружием и снаряжением банды приходили в Туркмению с территории сопредельных государств, чинили расправы над неугодными, убивали сторонников новой власти и уходили.

Ясному было отлично известно, в каком приграничном городе базировались и подкармливались басмачи. После очередного их налета он собрал в одном городке сход местных жителей и задал вопрос:

— Долго терпеть будем? Граница — вот она. И кто удержит наш гнев? Ну как, дехкане?

Собрался приличный отряд. И пошли в Персию с вопросом — доколе. Пришлось пострелять и погромить немножко. Привели на народный суд оттуда нескольких басмачей. И налетов сразу стало меньше. Зато появилась дипломатическая нота о нарушении границы.

Вызвали тогда Ясного в ЦК компартии Туркменистана. Сдвинув сурово брови, допрашивал его сам первый секретарь Шаймардан Ибрагимов. А виновник скандала только пожимал плечами:

— Я тут при чем? Это же народный гнев. Эти бандиты надоели всем. Месть. Народные традиции.

— Говорят, тебя видели в толпе в Персии, — наигранно сурово давил первый секретарь.

— Меня? Ошиблись. Меня там не было.

Все прекрасно всё понимали. Первый секретарь знал специфику республики гораздо лучше МИДа и осознавал, что тут нужно отвечать силой на силу. Поэтому тихо спустил все на тормозах. А Ясный пошел на повышение. Стал членом ЦК. Рос уровень задач. Мелькали в диком калейдоскопе годы.

Он понимал, что ему не хватает двух вещей: семьи и образования. Его всегда тянуло к знаниям, поглощал их как губка, читал много, но нуждался в системном обучении.

Жену он нашел в 1928 году в Душанбе. Миниатюрная, красивая, очень умная, из рабочей семьи, Лена в свое время окончила гимназию. В царской России осуществлялась программа по выявлению одаренных детей среди низших слоев общества и бесплатному их гимназическому обучению. Так умная, охочая до знания девушка получила хорошее образование. Когда Ясный увидел ее, между ними сразу пробежала искра. Не раз он благодарил потом Бога за то, что тот послал ему такую верную, понимающую жену, ставшую надежной опорой большой семьи. В 1929 году у них родилась дочка.

С семьей сложилось отлично. А что делать с образованием? Ясный всегда интересовался историей, традициями Востока и твердо решил поступать в Московский институт востоковедения имени Нариманова.

Нехотя, но согласие ему руководство ЦК дало.

«Строго секретно.
ЦК КП(б) Туркменистана.
Ашхабад.

Выписка из Протокола № 40

Заседания ЦК КП(б)Т от 20 июля 1931 года.

О характеристике т. Ясного В. С. для Института востоковедения.

Утвердить следующую характеристику.

Тов. Ясный Василий Степанович, член ВКП(б) с 1922 года, в Туркмении работает с 1921 года на ответственной комсомольской работе, на советской работе в качестве заместителя председателя райисполкома Серахского района, на партийной работе зав. орготделами ряда райкомов, заворгом Киркинского окружка и в последнее время заворготделом наиболее крупного Барам-Алийского района. Четвертым и Пятым съездами КП(б)Т избирался в состав ЦК Туркменистана.

Дисциплинирован. Политически устойчив. Теоретически развит. Хороший растущий практически работник».

Казалось, все решено. Но в ЦК начали тянуть резину и не давать перевода.

Ясный уже успел сдать экзамены в Институт востоковедения. Выездную приемную комиссию удивило, что человек обладает приличными знаниями, хотя трудился на такой работе, которая не давала много времени для подготовки. Студенческая книжка, можно сказать, в кармане. А дальше — постижение скрытых тайн Востока. Сладостное предвкушение...

И все это было разбито вмиг. Его вызвали в ЦК, и второй секретарь произнес:

— Институт Востока — это, конечно, хорошо. Только стране нужны руководители экономики, директора заводов. Принято решение о направлении вас в Промышленную академию имени Сталина.

Ну что же, приказы не обсуждаются. Ясный уже давно решил, что принадлежит не себе, а своему народу и партии. И готов был воевать, учиться, строить. Делать то, что нужно стране от него, а не ему от страны.

Глава 2

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Встретились они на ступенях Промакадемии. Оба запыхались, потому что занятия должны скоро начаться, а опаздывать нельзя. Дисциплина почти что военная.

— Ты подготовил материалы к собранию? — на ходу, строго спросила Надежда Аллилуева.

Она вообще была строгая. Но вместе с тем компанейская. Очень трепетно относилась к участию в общественных мероприятиях. Они учились в одной группе. И друг друга уважали.

Василий Ясный знал, что она обычно доезжает на служебной машине с водителем до площади трех вокзалов. А дальше на трамвае или пешком до Ново-Басманной улицы. Чтобы не злословили за спиной что-то про больших людей, которые рассекают на служебном авто.

Конечно, все слушатели знали, кто она такая. Но по ее скромному поведению трудно было поверить, что это жена самого могущественного человека в стране — генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Сталина. Поженились они еще в 1918 году.

— Вечером сделаю, — пообещал Ясный.

Он был профсоюзным организатором факультета, а она парторгом всей Академии.

— Смотри, не тяни. — Надежда толкнула дверь в аудиторию.

Это были последние дни занятий учебного 1932 года. Стоял июль, жаркий, хотя, конечно, с Туркменией не сравнить. Каникулы обещали много интересных открытий. В Харькове должен был состояться Шестой международный менделеевский съезд, и отличившиеся студенты факультета химии планировали принять в нем участие.

На занятиях по математике и неорганической химии у Ясного не слишком получалось сосредоточиться на теме. Настроение было отпускное.

Наконец занятия закончились. Слушатели группы остались обсудить насущные вопросы. Приятная суета перед каникулами.

В аудитории появилась обрадованная Дора Андреева. Она была женой члена Политбюро Андрея Андреева, и хозяйственники Промакадемии этим иногда пользовались, пытаясь через нее решить неотложные вопросы хозобеспечения учебного заведения.

— Смотрите! — Дора взмахнула новым номером многотиражной газеты Академии «Сталинец». — Про нас пишут!

— Ну-ка, дай посмотреть! — Ясный взял газету и вслух зачитал: — Лучшие ученики химического факультета. Надежда Аллилуева...

Сидящая за партой Полина Жемчужина — жена наркома иностранных дел Молотова — бросила острый взгляд на свою лучшую подругу. Вообще Полина всегда держалась несколько отстраненно и была самолюбива. Одногоруппникам уже было известно о ее назначении руководителем треста «Жиркость».

Надежда, услышав свое имя, как-то окаменела, прикусила губу. Видно, что статья задела ее. И Ясный прервал чтение.

Сжав кулаки и смотря перед собой, Аллилуева стала глотать ртом воздух... И упала в обморок.

Все засуетились, забегали. Вскоре Надежда пришла в себя. Сухо сообщила, что с ней все в порядке. И вышла из аудитории.

Ее и раньше мучили сильнейшие головные боли, мешая сосредоточиться. И нервные ситуации провоцировали приступы боли. Сейчас она расстроилась, посчитав, что в газету ее поместили не за собственные заслуги, а как жену Сталина. Она очень болезненно воспринимала тот факт, что в ней видят прежде всего тень вождя, а не ценят за ее личные достижения. Она относилась к себе слишком строго. На самом деле она была добросовестным и трудолюбивым человеком, училась очень хорошо, обладала глубокими знаниями.

Ясный перевел дух. Застегнул свою офицерскую сумку с тетрадями. И вышел из аудитории. Его ждала летняя Москва. И каникулы. Хотя отды-

ха не будет. Будут общественные поручения и заботы. Но это дело нужное и привычное.

Москву он полюбил с первого взгляда. Огромный город, гораздо больше тех, что видел до сих пор. Великолепный древний Кремль. Извилистые узкие старые улочки. Деревянные окраины. Парк культуры с гипсовыми скульптурами. Особое очарование было во всем этом. И еще воодушевляло, что ты в центре великой страны, близок к людям, которые решают судьбы мира. Не то чтобы играло тщеславие, которого Василий был напрочь лишен. Но определенная гордость от осознания этого факта имела место.

Сперва ему с семьей определили комнату в студенческом городке Лефортово — крошечную, метров десять. Потом выделили помещение побольше — в общежитии Академии на Покровке, около гостиницы «Урал». Но бывал он там редко. Как всегда — ни отдыху, ни родным времени уделять не удавалось. Закрутила профсоюзная работа.

У Ясного был талант — упорядочивать все вокруг себя и двигать вперед. Принимал участие он и в работе парторганизации Академии, руководство которой Надежда Аллилуева приняла из рук Никиты Хрущева. Последний покинул Промакадемию в 1931 году и стал секретарем Бауманского райкома.

В Бауманском районе столицы партком Академии считался главной опорой райкома. И Ясному постоянно в числе других слушателей приходилось участвовать в районных партийных и хозяйственных мероприятиях, присутствовать